

Из спальни слышится мамин голос: «Господи! Сколько народу раньше было в деревне! Сколько веселья! Особенно в пятницу Петровскую и Троицу. Все шли на Верхний Двор».

Мама рассказывает мне о судьбах моих односельчан:

— Кирька умер. Ранен был на войне. Шурка умер. Иван Сизов умер от голода — пенсии не платили.

Санька умерла. Васька-еврейчик умер. Анфискин дом пустой. Тяпихи дом продан, а кто в нем летом живет — не знаю. У Федоры в доме никто не живет. Васи Зяблева дом весь разрушен. Павлуху Грибина — у него магазинчик был — взяли и расстреляли. Из забранных до войны обратно вернулся только Карлуня. Васька старший на войне убит.

Тонюшка жива.

Иван Карасев вино попивает да голодом сидит.

Клавдя и Сизовы — Васька с Лийкой — пока в деревне живут.

Дядя Вася Смирнов за лошадыми ухаживал — Царствие ему Небесное.

Многие в разные годы уехали от «хорошей» колхозной жизни в Сибирь и на Кубань.

Паша на окопах в Андоге был, а потом на войне убили.

Матрена Тяпкина была юмористка — молодец!

И тут никого...

Ваську молоденького убили — в балалайку хорошо играл. С девками так и не погулял.

Борька-стахановец на войне пропал. Мать гадала — будто жив. В плену он был, а потом на шахте в Донбассе работал...

Слушал я маму и думал, какая же горькая судьба у русской деревни. Горше, наверное, и на всем белом свете не сыскать.

Слушал и вспоминал, как ни странно, неистового Виссариона Белинского, который в свое время так писал о повестях Николая Васильевича Гоголя: «Что такое почти каждая из его повестей? Смешная комедия, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами и которая, наконец, называется жизнью. И таковы все его повести — сначала смешно, потом грустно! И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно...»

Гоголя изумило, что по мере прочтения поэмы «Мертвые души» Пуш-

кин становился все сумрачней и, наконец, сделался совершенно мрачным. Когда чтение закончилось, он с тоской произнес: «Боже, как грустна наша Россия!»

Вспомнил я и гоголевское описание села, принадлежавшего помещику Плюшкину: «Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверх да жерди по сторонам в виде ребер...»

Как это похоже и на многие нынешние деревни!

Не образ ли это бедной и несчастной России?

Как не заплакать при виде родных берез над покосившейся банькой и дорогих сердцу могил на заброшенном и неухоженном сельском кладбище...

Нет в деревне уже и до боли знакомой бабушкиной избы — она до неузнаваемости перестроена дачником из Череповца.

Нет и прежней дороги, которая в поисках лучшей доли многих увела из родных мест в дальние края, — сейчас рядом с ней тянут новую автотрассу.

Для кого?

Вот мы несемся по ней с ветерком и почти над кюветом — весело и страшно!

Куда несешься, Русь? Смотри не разбейся! Береги себя, не растрясси и не растеряй на новой трассе свою вековую поклажу!..

И впрямь, куда ни посмотришь — «прогресс» вроде бы налицо, и мчимся мы по новой дороге с европейским комфортом, а жизнь наша как вчера была не устроена, такой и нынче осталась. И порядка настоящего в ней как не было, так и до сих пор нет.

И не будет, если все мы души свои не очистим от греховной скверны...

Рисунки автора.

Алексей
Башкиров

«РУСЬ — ТРОЙКА,
КУДА НЕСЕШЬСЯ?!»